

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Э Н Ц И К Л О П Е Д И Я

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Редакционная коллегия

В. В. Журавлев

доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ (ответственный редактор)

А. В. Репников

доктор исторических наук, доцент (ответственный секретарь)

О. В. Волобуев

доктор исторических наук, профессор

П. Ю. Савельев

кандидат исторических наук, доцент

В. В. Шелохаев

доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ

Москва
РОСПЭН
2009

Долг Ильяшова

ВВ 2010-210 /

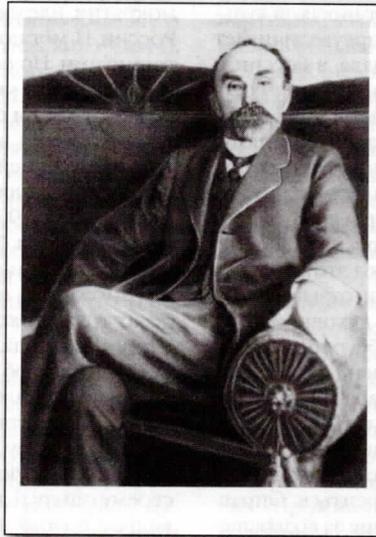
ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович (лит. псевд.: Н. Бельтов, А. Волгин, А. Кирсанов и др.) (19.11.1856, д. Гудаловка Липецкого у. Тамбовской губ. – 30.5.1918, Питкяряви, Финляндия), общественед, публицист, один из основателей РСДРП. Из мелкопоместных дворян. После окончания Воронежской воен. гимназии (1873) поступил в Константиновское воен. уч-ще в Петербурге, однако вскоре его оставил. В 1874–76 учился в Горном ин-те в Петербурге, но курса не окончил (исключен в 1877); послы о важности «служить народу», «боротся с деспотизмом» обозначили новые приоритеты: с 1875 П. стал участвовать в народнич. движении.

До эмиграции П. зарекомендовал себя прежде всего как революционер-практик. Заметным было его участие в об-ве «Земля и воля», где он приобрел опыт публицистич. работы, занятый в рабочих кружках (см. восп. П. «Русский рабочий в революционном движении», 1890). Наиболее значительное влияние в то время на него оказывали взгляды М. А. Бакунина. Под знаком верности народничеству прошло 1-е пребывание за рубежом (весна–лето 1877); П. посетил Швейцарию, Германию, Францию, познакомился с П. А. Кропоткиным, П. Л. Лавровым, др. эмигрантами из России. После раскола в авг. 1879 «Земли и воли» возглавил группу «Черный передел», выступая за продолжение рев. агитации среди крестьян, рабочих и студентов в расчете на подготовку буд. восстания. Однако угроза ареста вынудила П., а также В. И. Засулич, Л. Г. Дейча, Я. В. Стефановича в янв. 1880 нелегально покинуть Россию. П. не мог предполагать, что пребывание за границей будет столь долгим (до весны 1917; жил в основном в Швейцарии, а также во Франции, Великобритании, др. европ. странах).

Гл. обр. на годы эмиграции приходится неразрывно связанный с марксизмом вклад П. в развитие обществ. мысли. С нек-рыми марксистск. трудами П. был знаком еще в 1870-е гг., тем не менее его переход от народничества к марксизму выглядел «умственным переворотом». Он стал выходом из личного идейного кризиса, в к-ром отразился кризис народничества в России, совпавший со все более успешным распространением марксистск. учения в Европе. Переход под знамя марксизма (П. относил его к 1882) – пример того, как при сохранении целевых установок – рев. борьба против царизма и за социалистич. идеалы – относительно быстро воспринимается новая система радикальных взглядов. В мае 1882 на рус. яз. был издан в переводе П. «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. П. писал, что вместе с др. соч. авторов «Манифест» «начал новую эпоху в истории социалистич. и экон. лит-ры – эпоху критики совр. отношений труда к капиталу и, чуждого всяких утопий, науч. обоснования социализма» (Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 1. М., 1923. С. 150). Образование в сент. 1883 в Женеве первой группы марксистов – «Освобождение труда» (кроме П., П. Б. Аксельрод, Дейч, Засулич, В. Н. Игнатов) подтвердило, что рождается новое, с.-д.

направление в рус. рев. мысли, что интернационалистский марксизм предлагается как теоретич. и идеологич. основа для развития социалистич. движения в России. Не случайно, что острие первых марксистских работ П. «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885) было направлено против идеологии и практики рев. народничества. Однако его вывод, что народничество в России становится достоянием прошлого, оказался явно поспешным.

П., оценивая возникновение марксизма как вел. рев-цию в чело-веч. мысли, подчеркивал системный и последовательный характер этого мировоззрения, в к-ром он выделял диалектич. и историч. материализм, полит. экономию и полит. социологию. Особенно много П. занимался философией. В 1893 были изданы «Очерки по истории материализма». Новизна и значимость марксистск. материализма и диалектики раскрывались в кн. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), способствовавшей воспитанию новых поколений рус. марксистов, их рев. ориентации. И в последующие годы эмиграции П. проявлял неизменную приверженность материализму и марксизму (см., напр. «Основные вопросы марксизма», 1908). На этом фоне рос его авторитет как социалиста европ. масштаба. Позиции рев. марксизма активно отстаивались им не только в среде рос. с.-д., но и на междунар. арене, в т. ч. на

Г. В. Плеханов.

конгрессах 2-го Интернационала (1889–1914).

Вместе с тем для П. характерен своеобраз. культ марксизма, он был готов сделать прокрустово ложе из марксистской ортодоксальности, что не могло не вести к проявлениям схематизма, а иногда и догматизма. Цитаты из работ Маркса и Энгельса нередко подавались как решающий аргумент в ходе идейных дискуссий. Показательно, что для П. была недопустима любая критика стержневых положений марксизма, как неприемлемы и «другие социализмы». Отсюда острая, а нередко и грубая полемика с народниками, как позднее и с неонародничеством с.-р., пренебрежительно объявлявшимися «тоже социалистами» и даже «бурж. демократами». Отсюда непримиримая борьба П. с «ревизионизмом», будь то бернштейнианство, рус. «экономизм» или, позднее, после рев-ции 1905–07, «ликвидаторство» меньшевиков и «левый большевизм» А. А. Богданова. Как правило, П. был не склонен признавать даже зерна рационального у идейных «еретиков», покушавшихся на «классический», ортодокс. марксизм, в т. ч. в его собств., плехановском толковании. При этом причины «ереси» нередко сводились к недостатку науч., теоретич. знаний у оппонентов. Такая позиция приводила к тому, что П. волей-неволей накладывал печать самоограничения на свое интеллектуальное творчество.

В совр. лит-ре нередко пишется о П. как «основоположнике рус. марксизма». Такое обобщение нуждается в дополнит. осмыслении, поскольку не выработано само понимание «рус. марксизма», к-рое вряд ли тождественно формуле «марксизм в России». П. «национализировал»

марксистск. теорию (по оценке Л. Д. Троцкого), но он как поборник ортодоксальности никогда не стремился к созданию некой своей версии марксизма, к-рую в силу ее своеобразия можно было бы отнести к «рус.». П. – мыслитель, теоретик, но не революционер, преобразующий теорию, ее осн. положения и выводы. Показательно также, что для П., в общем и целом, характерен примат теории над практикой. Это не исключает признания значит. вклада П. в развитие отд. сторон марксизма, его адаптации к условиям России. Своими сочинениями по философии, эстетике, истории, лит-ре он зарекомендовал себя интеллектуально одаренным, широко эрудир. марксистом. Одним из примеров может служить труд «История русской общественной мысли» (не завершен; Т. 1–3, М., 1914–17), в к-ром рассматривалась эволюция идей с учетом многофакторности и особенностей ист. развития России в 11–18 вв. П. был также автором работ, посвященных рус. мыслителям 19 в. – В. Г. Белинскому, А. И. Герцену, Н. Г. Чернышевскому и др. По мнению П., передовая обществ. мысль в России неотвратимо развивалась по направлению к марксизму.

Проблематика, относящаяся к России, развитию в ней рабочего и с.-д. движения, всегда была в центре внимания П.-эмигранта. Как «социалистич. западник», с позиций детерминизма, непреложных «законов истории» он отстаивал идеи однолинейного прогресса, обосновывая объективную неизбежность поступат. развития капитализма в России. Но не столько капитализм как таковой интересовал П. Для него было важно, что зрелый капитализм создает материальные и социокультурные предпосылки для социализма как «действительности будущего», что при капитализме взращивается и умножает свои силы пролетариат, проходя школу полит. воспитания и классовой борьбы. П. впервые показал, что в России именно молодому пролетариату будет принадлежать решающая роль в борьбе против самодержавного режима. (Под пролетариатом П., как правило, имел в виду постоянных фабричных и заводских рабочих, порвавших связи с землей.) На рубеже 19–20 вв. П. активно участвовал в работе по определению идейных и организационных основ р. с.-д. партии в России, был чл. редакции общерос. марксистск. газ. «Искра» (1900–05) и ж. «Заря» (1901–02), осн. автором программы РСДРП, принятой на ее 2-м съезде (Брюссель – Лондон, июль–авг. 1903). Причем вначале доминировали общие с В. И. Лениным подходы к построению и деятельности РСДРП, однако позднее, после раскола партии в 1903, все более заметно проявлялись разногласия. Показательны, в частности, акценты П. на то, что партия должна быть сознат. выразительницей объективного ист. процесса (закономерно «работающего» по пролетариат, на социалистич. будущее). Революционность пролетариата, полагал П., вытекает прежде всего из его «бытия», порожденного самой капиталистич. системой, и задача партии в том, чтобы, воспитывая классовую сознательность, развивать эту революционность, направляя ее в «социалистич. русло». В отличие от Ленина партия у П., будучи авангардом рабочего движения, не стоит над этим движением, а профессиональные революционеры не подминают под себя всю партию. Не случайно он выступал против «крайней централизации» в РСДРП, считая, что это может негативно сказаться на активности членов партии, а также сузить ее опору в рабочем движении. После раскола РСДРП на 2-м съезде П. до кон. окт. 1903 был на сто-

роне большевиков, но потом примкнул к меньшевикам, надеясь, среди прочего, что это поможет восстановить единство партии, помешать утверждению в ней ленинской авторитарности.

С позиций марксистск. ортодоксальности П. стремился разработать стратегию и тактику рев. борьбы. Важное значение имела заимствованная у Маркса двухстадийная модель рев.-ции, использованная применительно к России. В рамках этой модели разделялись бурж.-либер. (бурж.-демократич.) и собственно социалистич. стадии, при этом П. всегда выступал против их совмещения, забегания вперед и, в частности, против преждеврем. социалистич. переворота, пока не будет достигнут относительно высокий уровень экон. развития страны и классового сознания пролетариата. Этим объясняется неприятие П. во время рев.-ции 1905–07 теории Ленина о перерастании бурж.-демократич. рев.-ции в социалистическую, а также теории «перманентной рев.-ции» Троцкого. Позднее, после свержения самодержавия в февр. 1917, П. резко осудил курс вождя большевиков на непосредственную подготовку социалистич. переворота. В этом контексте понятны и оценки П. взятия власти большевиками в окт. 1917 как насилия над историей, как явной авантюры.

Ортодоксальность П. серьезно сказалась на его взглядах о расстановке классовых и полит. сил, на определении тактики РСДРП. Критикуя непоследовательность и нерешительность бурж. либералов, П. тем не менее видел в них союзников пролетариата в борьбе с самодержавием, за демократизацию России. После начала в янв. 1905 рев.-ции в России он выдвинул лозунг «Врозь идти, вместе бить», предусматривавший объединение усилий пролетариата и либер. буржуазии, всего «об-ва» в целях сокрушения царизма. При этом образцом для него выступала тактика, выработанная Марксом и Энгельсом в 1847–48. Однако в ходе рев.-ции в России П. был вынужден неоднократно отмечать разобщенность и пассивность бурж. «любителей свободы», их склонность к пустословию. Действенная «рев. коалиция» с участием бурж. либералов, необходимость к-рой обосновывал П., на практике не сложилась. Что касается крест-ва, то оно, по его мнению, являлось носителем отсталости, «азитского начала». Выступления крестьян, особенно во время рев.-ции 1905–07, не могли не поколебать первонач. выводы П. о полит. индифферентизме этого класса, но в целом он был склонен рассматривать крест-во как консервативную силу, ибо его интересы не простираются дальше мелкобурж. горизонта. По мнению П. крест-во, борющееся за землю, может быть соучастником рев. борьбы, но не единомышленником и союзником пролетариата. На 4-м съезде РСДРП (Стокгольм, апр.–май 1906) им был поддержан меньшевистский проект муниципализации земли; ее национализацию он считал возможной только после социалистич. рев.-ции. Будучи ортодокс. марксистом, П. всегда был сторонником решит. борьбы с самодержавием, что особенно ярко проявилось после начала рев.-ции в России. Так, П. призывал к массовым выступлениям, вплоть до нар. восстания против самодержавия, подчеркивая, однако, необходимость его всесторонней подготовки. Именно поэтому он предостерегал в канун дек. событий 1905 в Москве от преждеврем. столкновения с пр-вом, к-рое в случае неудачи может дать предлог для усиления репрессий. Известный вывод: «Не нужно было и браться за оружие», сделанный

после поражения восстания (см.: Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 15. М., 1926. С. 12), отнюдь не свидетельствовал вопреки утверждениям Ленина, о проявлениях «оппортунизма» П., его малодушии, разочаровании в рев. потенциале пролетариата. П. положительно отнесся к созданию в 1905 Советов рабочих депутатов, но в отличие от Ленина не видел в них прообраз органов новой, рев.-демократич. власти. В период отступления рев.-ции П. выступал за участие с.-д. в работе Гос. думы, начиная с ее 1-го созыва в 1906, допускал создание блока с кадетами при выборах, поддерживал отд. внедумские действия с.-д. с бурж. либералами. Свою приверженность общей схеме расстановки классовых и полит. сил П. сохранял и в последующее время. Надеясь на новый подъем рев. волны, он призывал к собиранию и умножению антисамодержавных сил, к использованию с.-д. – с учетом реальных условий – различных форм легальной и нелегальной работы. В целом же рев.-ция 1905–07 и последующие события выявили, что ортодоксальный марксизм П. в ряде случаев сдерживает поиск новых творческих решений, учитывающих специфику развития России и классовой борьбы. Показательно, что даже К. Каутский, пользовавшийся большим авторитетом у П., при оценке рев. событий в России проявил больше смелости и реализма (см., напр., его брошюру «Движущие силы и перспективы русской революции», 1906).

Взгляды П. служили одним из важнейших компонентов идеологии меньшевизма как более умерен. течения в РСДРП. Однако П. оставлял за собой право на идейную самостоятельность и отнюдь не всегда поддерживал меньшевиков, что проявилось, напр., после рев.-ции 1905–07 в его совместной с Лениным борьбе против т. н. ликвидаторства. При этом прочный союз с большевиками, к-рых П. предлагал называть не марксистами, а бланкистами, им исключался. В 1908–09 имел место конфликт в редакции многотомного изд. «Общественное движение в России в начале 20 века» (М., 1909–14. Т. 1–4). П. обвинил А. Н. Потресова (автора ст. в 1-м т.) в проявлениях «ревизионистских» взглядов, выразившихся, по его мнению, в умалении роли группы «Освобождение труда» и, наоборот, в преувеличенных оценках деятельности «легальных марксистов». Конфликт как таковой вполне можно было разрешить, но за ним, однако, скрывалась неудовлетворенность П. состоянием меньшевизма, в к-ром, в частности, развивалась ликвидаторство. Упреки в идейной нестойкости деятелей меньшевизма сочетались у П. со стремлением утвердить свое монопольное право на истину. В результате конфликт послужил фоном фактич. разрыва П. с большинством меньшевистских руководителей (Аксельродом, Ю. О. Мартовым, Потресовым и др.). П. возглавил течение «парт.», или рев. меньшевизма, и стал его гл. идеологом, стремясь, как и прежде, выступать под флагом марксистск. ортодоксальности, против крайностей ликвидаторства и рев. максимализма большевиков. П. выражал надежды на восстановление единства РСДРП на основе ее общепарт. программы, к-рые, однако, были иллюзорными, что стало особенно очевидным после проведения большевиками фракционной конференции в Праге (январь 1912) и Венской конференции орг-ций РСДРП (авг.–сентябрь 1912) их противниками.

Годы 1-й мировой войны (1914–18) подтвердили кризис европ. социалистич. мысли. Как и мн. др. социалисты, П. не смог совместить в условиях войны приверженность

пролетарскому интернационализму с патриотизмом. Если во время рус.-японской войны 1904–05 П. выступал за поражение Российской империи в интересах приближения рев.-ции, то теперь он занял позиции «вынужденного оборончества», обоснованием к-рого стали утверждения, что победа Германии и ее союзников приостановила бы экон. развитие, положила бы конец «европеизации» России, увековечив «старый порядок» и отбросив завоевания пролетариата. В случае поражения России будет потеряна, по мнению П., всякая или почти всякая возможность сокрушить самодержавный режим. О возможностях новой нац.-патриотич. рев.-ции в России П. стал говорить, и то достаточно осторожно, только с осени 1915, при этом поддерживая курс на продолжение войны. Одной из публицистич. трибун для него стала газ. «Призыв», к-рая издавалась с окт. 1915 на рус. яз. в Париже. Кризис европ. социализма после нач. мировой войны был, среди прочего, и продолжением кризиса марксистск. ортодоксальности П., выход из к-рого им не был найден.

Февр. рев.-ция 1917 (ее, по оценке П., «осуществила страна») открыла ему дорогу для возвращения из 37-летней эмиграции: в ночь с 31 марта на 1 апр. (13–14 апр.) он прибыл в Петроград. Последующие события, возрастание рев. максимализма опровергали надежды на воплощение в жизнь двухстадийной модели рев.-ции в ранее предлагавшемся им варианте. Призывы о необходимости компромиссного соглашения между предпринимателями и рабочими, примирения и единения обществ.-полит. сил во имя «закономерного» бурж.-демократич. развития свободной России и спасения ее от внеш. врага не находили поддержки в массах. П. не поспешил за динамичным развитием событий, серьезно влиять на к-рые ни он, ни его единомышленники по с.-д. группе «Единство» не могли. Революционер-практик из П. не состоялся, да и серьезных возможностей для этого не было. Резко отрицательно он отнесся к захвату власти большевиками в окт. 1917, но не призывал к активной, тем более вооруженной, борьбе с ними. Реальный ход истории во мн. разочаровал П. Это не дает, однако, никаких оснований утверждать, ссылаясь на т. н. «Политическое завещание» П. (опубл. в 1999, авторитетными специалистами признано апокрифом), что в посл. год жизни он выступил против стержневых положений марксизма, поставив тем самым под вопрос и свою деятельность как мыслителя и революционера в годы эмиграции.

Архивы: РНБ. Архив Дома Плеханова. Ф. 1093; РГАСПИ. Ф. 264.

Соч.: О войне. Париж, 1915; Сочинения: В 24 т. М.; Пг.; Л., 1923–27; Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода: В 2 т. М., 1925; Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934–40. Сб. 1–8; Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956–58; Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова: В 3 т. М., 1973–74.

Лит.: Литературный сборник памяти Г. В. Плеханова-революционера. Б./м., 1918; Ваганян В. Г. В. Плеханов: опыт характеристики социально-политических воззрений. М., 1924; Чагин Б. А. Разработка Г. В. Плехановым общесоциологической теории марксизма. Л., 1977; Гетцлер И. Г. В. Плеханов // История марксизма. М., 1981. Т. 2; Тютюкин С. В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. М., 1981; Он же. Г. В. Плеханов: судьба русского марксиста. М., 1997; Он же. Плеханов Г. В. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В. В. Журавлев; отв. секр.

А. В. Репников. М., 2005; Бэрн С. Х. Плеханов – основоположник русского марксизма. СПб., 1998; Пронина М. В. Труд Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли»: от обозначения замысла к выпуску в свет // История в рукописях и рукописи в истории. СПб., 2006.

Библ.: Г. В. Плеханов – философ: Материалы к библиографии. Екатеринбург, 2007.

А. Н. Свалов.

ПОРЕМСКИЙ Владимир Дмитриевич (17.1.1909, г. Ченстохов Петроковской губ. – 22.1.1997, Франкфурт-на-Майне), публицист, обществ. деятель. Из семьи военного. В 1920 эвакуирован с семьей из Севастополя в Югославию. В 1921–27 учился в рус. гимназии в Белграде. Окончил 1-й курс Белградского ун-та, в 1928–31 учился в Сорбонне. В 1932 окончил Ин-т химии в Лилле; инженер-химик. В 1932–39 работал в исследовательской лаборатории суд. идентификации Мин-ва юстиции в Париже, в 1939–41 – в Парижском ин-те прикладной химии. Автор ряда работ по молекулярным структурам и спектральному анализу.

В кон. 1920-х гг. П. участвовал в деятельности рус. молодежных кружков в Югославии. С 1930 лидер Нац. союза рус. молодежи во Франции [на его основе возник Народно-трудовой союз рос. солидаристов (НТС)], с 1934 пред. франц. отдела союза. Участвовал в борьбе союза против просоветских тенденций в деятельности «младороссов». С 1941 жил в Германии; преподаватель в лагере для «переподготовки» военнопленных в Ву-страу (находился в ведении герм. Восточного мин-ва). В 1942–43 перевел и отпечатал на ротаторе кн. нем. философа В. Шубарта «Европа и душа Востока». В период 2-й мировой войны 1939–45 П. возлагал надежды на армию ген. А. А. Власова и связанное с ним «Рус. освободит. движение», считая его «подлинно нар. движением» (Поремский В. Д. Народное движение // Посев. Франкфурт н/М., 1948. № 32). С дек. 1943 чл. Исполнит. бюро Совета НТС. В июне 1944 арестован вместе с др. руководителями НТС в Германии, содержался в тюрьме в Берлине и в концлагере Заксенхаузен. В апр. 1945 освобожден благодаря личному вмешательству Власова. После 1945 находился в лагерях для «перемещенных лиц» (в 1946–47 в Менхегофе – организационном центре НТС). С 1947 работал в изд-ве «Посев». В 1955–72 пред. НТС, до 1992 чл. Совета НТС. С 1992 неоднократно бывал в России; организатор Моск. междунар. синергетического форума – общественной орг-ции ученых и философов, занимающихся изучением проблем теории и философии самоорганизации.

В своих первых работах 1930-х гг. П. выступил с обоснованием причин кризиса философии рационализма и позитивизма, веры в «непогрешимость» науки. Указывал на кризис всего «зап. строя с его либерализмом и демократизмом, со своим особым понятием свободы, вернее, произвола личности» (Поремский В. Д. О современном кризисе // За Россию. София, 1934. № 30). Отмечая, что в сознании интеллектуальной элиты уже намечился переход от материализма к идеализму, П. призывал вернуться к «истокам жизни», выраженным в формуле «Нация, жертвенное служение ей, Бог, Родина, свобода» (Там же).

По мнению П., «болезнь цивилизованного мира», его глубокий духовный и идейный кризис стали одной из гл.

причин победы в России большевизма. Он считал ошибочным взгляд на большевизм как на чисто рус. явление. Успех большевикам принесло то, что они предложили рос. народу «цельную, радикальную, якобы все разрешающую и все спасающую доктрину» (Поремский В. Д. Революционное оружие // Посев. 1948. № 13). Значит, часть работ П. посвящена анализу методов борьбы с коммунистич. режимом в СССР и путей переустройства России. Уже в 1930-е гг. он указывал на опасность господства среди оппозиции в СССР негативной программы. «Формула голого безыдейного активизма: «долгой большевиков, а дальше посмотрим» – является формулой преступной беспечности», – отмечал он (Поремский В. Д. Наши конспекты – сегодня и завтра // За Россию. София, 1938. № 71). Постепенно П. пришел к выводу, что такой позитивной доктриной, способной стать альтернативой коммунизму, может быть идеология рос. солидаризма, хотя еще в 1934 он заявлял: «Те, кто не выходит из плоскости экономики и материализма, принуждены балансировать между Сциллой капитализма и Харибдой социализма. Как ни заманчивы новейшие построения корпоративизма и солидаризма, надо признать, что они обречены на неудачу, поскольку они будут стремиться найти равновесие между двумя умирающими, но страшными в своей агонии силами» (За Россию. 1934. № 30). Идеи рос. солидаризма (построение гос-ва на «христианских началах любви и солидарности», сильная власть в сочетании с максимальной духовной свободой и т. д.), по его мнению, «предвосхищали» послевоен. лозунги нар. республиканцев во Франции, правого крыла итал. социалистов и т. п.

В кон. 1940-х гг. П. создал оригинальную «молекулярную теорию» рев-ции. Она исходила из того, что большинство населения в СССР выступало против коммунистич. режима, поэтому рев. движение могло не тратить энергию на антикоммунистич. пропаганду. Вместе с тем многолетний опыт антибольшевистской борьбы показал, что в СССР невозможно создать традиц. рев. орг-цию, т. к. в атмосфере «террора и доноительства» возникала замкнутая система, где «царил двойной страх: населения перед властью и власти перед населением» (Поремский В. Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции. Избранные статьи. М., 1998. С. 94). П. полагал, что осн. нагрузку в антикоммунистич. борьбе должен был нести эмигрантский центр, имевший «эпизодическую, хотя бы разовую (напр., в виде единичной инструктирующей листовки) связь с реальным или потенциальным членом орг-ции» (Там же. С. 101). Основой молекулярной орг-ции в СССР он объявлял «рев. монаду», образование к-рой начиналось с акта «заочного принятия себя в кадр орг-ции». Наилучшим вариантом рев-ции в СССР считал не стихийную, а «дирижируемую» из-за границы рев-цию. Важнейшей задачей рев. пропагандистов П. называл доведение до сведения каждого гражданина СССР содержания «осн. штампа» (стандартное определение «против», стандартное определение «за»). Эти стандартные формулы должны были быть «тщательно обдуманными и бесчисленное кол-во раз повторяемыми» (Там же. С. 104).

П. считал «переломом» в эволюции сов. полит. режима смерть И. В. Сталина (1953). По его мнению, после 1953 началась «отмирание системы двойного страха», росла личная инициатива людей (в т. ч. их степень участия в управлении гос-вом), уменьшилась изоляция СССР от остального мира, происходили процессы «дефицио-